

ВВЕДЕНИЕ

1. Материал и методика

В рамках изучения палеоантропологии эпохи бронзы азово-каспийских степей Восточной Европы впервые исследованы по краниометрической и / или краниоскопической программам более 600 черепов, по остеометрической методике — 69 посткраниальных скелетов, обработаны неопубликованные измерительные данные около 300 черепов.

Краниометрия. Проанализированы неопубликованные индивидуальные измерительные данные¹ 317 черепов из курганных могильников эпохи бронзы азово-каспийской степной полосы. Краниологические серии были получены в ходе масштабных экспедиций Института археологии РАН, Государственного исторического музея и Калмыцкого государственного университета, проводившихся на территории Калмыкии в 60-х и 80-х годах XX в. Черепа из раскопок 1960-х годов хранятся в фондах отдела антропологии МАЭ РАН (колл. № 6699), некоторые материалы из раскопок 1980-х годов удалось сберечь археологической лаборатории Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). Большая же часть этих коллекций утрачена, однако в фондах отдела антропологии МАЭ сохранились краниометрические бланки с измерениями, сделанными А.В. Шевченко и в большинстве своем так и не доведенными до публикации.

Могильники Калмыкии: Восточный Маныч (Чограй), правый и левый берег, курганные группы I, II, III; Чограйский, курганные группы III, IV, V, VI, VIII; Канал Волга-Чограй (КВЧ), курганные группы 37, 53, 56, 239; Архаринский; Балкин; Большой Царын; Гува II; Джангар; Дюкер; Ергенинский; Заханата; Зергента; Зунда-Толга; Иджил II; Ики-Зегиста; Кермен-Толга; Лолинский: Улан-Толга; Улан-Зуха; Утта-Привольный; Хар-Зуха; Хар-Нуурин-Толга;

---

¹ Измерения проведены по стандартной краниометрической программе [Алексеев, Дебец 1964].

Цаган-Нур; Цаган-Усн, курганные группы III, IV, V, VII, VIII, X; Шолмун-Толга; Эвдык; Эвдык I; Элистинский; Яшкуль; Яшкуль I.

Могильники Астраханской области: Кривая Лука II, III, IV, VII, VIII, IX, XI–XVIII, XXI–XXIV, XXVII, XXVIII, XXXIV, XXXV.

Могильники Волгоградской области: Заливский; Крепинский.

Могильники Ростовской области: Алитуб; Веселовская; Новочеркасский; Ростовский; Спорный; Сухая Термиста II; Шахаевская; Ясырев I, II, III.

При исследовании влияния слабой затылочной-теменной деформации измерено 236 черепов. Кроме линейных размеров преимущественно черепной коробки и отчасти лицевого отдела использованы проекционные размеры и индексы формы и высоты затылочной области черепа, полученные при помощи проектомера И.И. Гохмана (подробнее описание методики и прибора см.: [Беневоленская, 1976; Беневоленская, Громов, 1997]).

В качестве сравнительных материалов измерены¹ следующие серии мужских черепов из фондов отдела антропологии МАЭ РАН: коренное население Аляски (колл. № 5022, 5023); несториане Средней Азии, XII–XIII века (колл. № 176, 188, 5559); зороастрийцы Средней Азии, XII–XIII века (колл. № 5712, 5787, 6419); серия из могильника Шулулуктепе, X–XII века, Узбекистан (колл. № 7275); узбеки совр. (колл. № 5428, 5485, 5555, 5557); осетины совр. (колл. № 4757, 4755, 4759, 4762, 4763, 4764, 4765); казахи, XVI–XVII века (колл. № 6470); ингуши совр. (колл. № 4754, 4755, 4756).

При статистической обработке краниометрических данных для внутригруппового анализа использован метод главных компонент с кластеризацией результатов. В число признаков, задействованных в анализе, по возможности включались наиболее таксономически важные линейные и угловые размеры, характеризующие лицевой и мозговой отделы черепа. Определение достоверности повышенной изменчивости признаков проводилось с помощью критерия Фишера. Для оценки различий между выборками использовался, как правило, непараметрический критерий Уилкоксона-Манна-Уитни (U-test) и, если позволяла численность, параметрический критерий Стьюдента (t-test).

---

¹ Использованы также данные В.П. Алексеева [1974], Ю.Д. Беневоленской [неопубл.], А.В. Громова [неопубл.] и О. Исмагулова [1970].

Для сравнения групп всякий раз использовался максимально возможный набор краниометрических показателей вне зависимости от числа измерительных данных о каждом черепе в серии. При межгрупповом сопоставлении применялся канонический анализ по 14 краниометрическим признакам (продольный, поперечный и высотный диаметры черепной коробки, наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, верхняя высота лица, высота и ширина носа, ширина орбиты от максиллофронтальных точек, высота орбиты, назомалярный и зигомаксиллярный углы, симотический указатель и угол выступания носа) с использованием усредненной внутригрупповой корреляционной матрицы [Дерябин 1983].

Учитывая известные критические замечания по поводу пространенного употребления термина «статистическая достоверность» [Зорин 2000], считаем необходимым подчеркнуть, что данный термин в дальнейшем используется исключительно как синоним «статистической значимости», в том числе и в тех случаях, когда определение «статистическая» опускается.

Специально отметим, что различия в наборе признаков, по которым проводился внутригрупповой факторный анализ, обусловлены несколькими обстоятельствами. Во-первых, это плохая сохранность материала: в каждом конкретном случае использовались преимущественно те признаки, по которым имелась максимальная информация. Во-вторых, это рекомендации В.Е. Дерябина [2005], согласно которым для более достоверного результата число признаков, по которым проводится многомерный анализ, должно быть меньше количества сравниваемых групп. В-третьих, в связи предыдущим замечанием чаще использовались признаки с повышенной вариабельностью для выявления основных направлений внутригрупповой изменчивости.

Краниоскопия. По краниоскопической программе автором впервые изучены 372 черепа из могильников эпохи ранней и средней бронзы, также расположенных в степной зоне между Азовским и Каспийским морями. Исследованные черепа хранятся в фондах кабинета физической антропологии ЮНЦ РАН — ЮФУ (Ростов-на-Дону), отдела антропологии МАЭ РАН (Санкт-Петербург), в археологических лабораториях Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста) и Волгоградского государственного университета.

Могильники Калмыкии: Восточный Маныч (Чограй), правый и левый берег, курганные группы I, II, III; Малые Дербеты II; Чог-

райский V; KBЧ-56; Ергенинский; Темрта I; Цаган-Нур; Эвдык. Астраханская область: Кривая Лука III, VIII, XI, XIV–XVII, XXI, XXII, XXVII, XXVIII, XXXIV, XXXV.

Могильники Волгоградской области: Абганерово III, V; Аксай I; Перегрузное I; Первомайский I, VII, VIII; Барановка; Желтухино; Авиловский II; Красновский I; Качалино; Орешкин; Дмитриевка; Скворин; Бердия; Майоровский; Кондраши; Недоступово; Солянка; Павловский; Хлебный.

Могильники Ростовской области: Арбузов; Новый; Кобяковский; Долгий; Упраздно-Кагальницкий I; Кастырский II, V, VI, VIII; Пробуждение; Ливенцовский V, VII; Семенкин; Камышеватый; Дарья; Дарагановский; Аглицкий I, II; Каменный II; Плоский I; Федосеевка II; Ново-Палестинский II; Золотые Горки II, V; Берданосовка; Божковка I; Мокрый Волчек I; Ребриковский II; Рестумов II; Роша; Дюнная I; Мокро-Чалтырьский карьер; Черный II; Закатный II; Воротилов I; Засальский II; Центральный VI; Грушевский; ТЭЦ; Участок 16; Романовский II; Криволиманский III; Кировский I, Калиновский курган; Мало-Мартыновский; Царский; Прогресс; Подгорненский III; Ближнероссосский I; Лагутники; Валовый I; Нижнеманычский; Отрадный; Пустошкин III; Донской; Камышевский; Таврия II; Ериковский I; Дубовский I; Октябрьский II; Мухин I, II; Северо-восточный; Найденовский; Чепрак IV; Москва I; Кутейники II; Орловский I; Красногоровка III; Вертолетное поле; Едуш II; Бессергеновский III; Озерский III; Серебряковка; Керчик; Поляков; У локаторов; Другой I; Лаповский I; Заречный I; Малая Каменка VI; Бережной VI; Хавалы II; Ребричанский II; Вшивый V; Новый Егорлык XIV; Манычский; Частые курганы; Реконструктор IV; Салок I.

На черепках фиксировались шесть краниоскопических признаков: затылочный индекс (ЗИ), частота клиновидно-верхнечелюстного шва (КВШ), частота заднескулового шва (ЗСШ), частота подглазничного узора типа II (ПГУ II), индекс поперечного небного шва (ИПНШ), частота надглазничных отверстий (НО) [Козинцев 1988; Kozintsev 1992; Томашевич 1988]. Для ЗИ, ЗСШ, ПГУ II, ИПНШ и НО данные суммированы без учета пола, для КВШ вычислялись полусуммы мужских и женских значений. С целью стабилизации дисперсии частоты признаков преобразовывались в радианы. Для их статистической обработки применялся анализ главных компонент.

Остеометрия. По стандартной остеометрической методике [Алексеев 1966] измерены посткраниальные скелеты 69 индивидов из погребений эпох ранней, средней и поздней бронзы, хранящиеся в фондах отдела антропологии МАЭ РАН (Санкт-Петербург), Государственного исторического музея (Москва), в археологических лабораториях Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста) и Волгоградского государственного университета.

Могильники Калмыкии: Восточный Маныч (Чограй), левый берег (колл. № 6699, МАЭ), Малые Дербеты II, Яшкуль, Эвдык I, Цаган-Нур.

Могильники Ростовской области: Темрта I, Песчаный V, Сухая Термиста I.

Могильники Волгоградской области: Быково, Верхнепогромное, Сидоры, Средняя Ахтуба, Степан Разин и 15-й поселок (колл. № 6524, МАЭ), Аксай, одиночный курган Водянского городища.

Могильники Астраханской области: Старица (колл. № 6534, МАЭ).

В связи с известной долихоморфностью жителей степной полосы Евразии в эпоху бронзы [Медникова 1998: 36] для вычисления длины тела использовалась формула М. Троттера и Г. Глезера, рекомендованная для высокорослого населения [Алексеев 1966: 248]. Вес тела вычислялся по формуле В.В. Бунака [Мамонова 1986: 24]. Для оценки различий между сериями использовался непараметрический критерий Уилкоксона-Манна-Уитни.

Все статистические процедуры были реализованы при помощи пакета программ STATISTICA 6.0 и оригинальных программ Б.А. Козинцева и А.В. Громова.

2. Краткий очерк истории археологических исследований памятников эпохи бронзы степной полосы юга Восточной Европы

В рамках данной работы нет необходимости останавливаться на подробном изложении обширной археологической историографии, посвященной памятникам эпохи бронзы степной полосы юга Восточной Европы и имеющей, без преувеличения, вековую историю. Обозначим лишь ее основные вехи.

В самом начале XX в. в результате раскопок курганов Восточной Украины были впервые отмечены три варианта погребений

эпохи бронзы восточно-европейских степей: в ямах, катакомбах и срубках [Городцов 1905]. На их основе в дальнейшем были выделены ямная, катакомбная и срубная археологические культуры, которые, как предполагалось, последовательно сменяли друг друга [Городцов 1907], в том числе и в пределах азово-каспийских степей Предкавказья.

Раскопки знаменитого Майкопского кургана в последние годы XIX в. под руководством Н.И. Веселовского положили начало изучению северокавказских памятников бронзового века. В скором времени был предложен единый термин «северокавказская культура» для майкопских, новосвободненских и других памятников эпохи бронзы Северного Кавказа [Городцов 1910].

Однако в 30-х годах XX в. культурная и хронологическая однородность бронзового века Северного Кавказа была подвергнута сомнению, появились первые попытки периодизации древностей этого региона (см. подробнее: [Сафронов 1983]). Позднее майкопские и новосвободненские памятники были причислены к эпохе ранней бронзы с уточнением большей древности майкопского этапа, и только погребения эпохи средней бронзы получили название северокавказской культуры. При этом северокавказские памятники в Прикубанье и катакомбные погребения азово-каспийской степной зоны воспринимались как различные культуры, но территориально смежные и синхронные. Кроме того, было высказано принципиальное соображение о нецелесообразности построения линейных схем развития древних культур в виде последовательных рядов [Йессен 1950].

В изучении катакомбной культуры 30-е годы XX в. также принесли открытия, публикация которых растянулась до конца 1940-х годов. Так, по результатам раскопок на реке Западный Маныч (левый приток Дона, Ростовская обл.) в Доно-Волжском междуречье был зафиксирован особый вариант катакомбной культуры, многие особенности которого нашли прямые аналогии в синхронных памятниках Северного Кавказа [Артамонов 1949]. Впервые к югу от низовьев Дона были найдены искусственно деформированные черепа [Артамонов 1937], ранее известные только по более северным памятникам катакомбной культуры бассейна Северского Донца [Городцов 1916].

К середине 1950-х годов на основе массива данных о территориальных особенностях преимущественно керамического комплек-

са катакомбная археологическая культура была разделена на шесть крупных локальных групп. Среди них особое место занимал «волго-манычский» вариант катакомбной культуры, расположенный между нижним течением р. Волги и р. Восточный Маныч в Калмыкии [Попова 1955]. Тот же вариант носил название и «предкавказской катакомбной культуры», особенности которой во многом были обусловлены тесными контактами с населением северокавказской культуры. Окончательно отвергнута была схема простой последовательной смены ямной и катакомбной культур [Иерусалимская 1958].

Почти в то же время были тщательно определены основные черты, территория распространения, хронология и периодизация памятников северокавказской культуры [Марковин 1960]. Однако стоит отметить, что споры о правомерности ее выделения растянулись на десятилетия и продолжаются до сих пор [Николаева 1983; Ростунов 2007]. Тем не менее термин закрепился за памятниками Северного Кавказа эпохи средней бронзы. Происхождение последних было связано с майкопскими древностями при значительном влиянии степных племен. Один из локальных вариантов северокавказской культуры — западный или прикубанский — непосредственно соседствовал с более северной степной катакомбной культурой, что обусловило смешанный катакомбно-северокавказский характер памятников на позднем этапе [Марковин 1960].

В конце 1950-х годов был впервые поставлен вопрос и о необходимости разделения ямной археологической культуры на ряд родственных культурных подразделений в рамках единой культурно-исторической общности [Мерперт 1958]: их число к концу 1960-х годов достигло девяти, среди них присутствовал и предкавказский вариант [Мерперт 1968]. В более поздней работе, посвященной монографическому описанию ямной культуры Волго-Уральского междуречья, было высказано мнение, что формирование соседнего предкавказского культурного варианта происходило при значительном влиянии энеолитических культур Северного Кавказа [Мерперт 1974].

Раскопки 1960-х годов в Калмыкии значительно увеличили объем источников по древнейшей истории интересующего нас региона. Все памятники эпохи бронзы авторы раскопок — И.В. Синицын и У.Э. Эрдниев — отнесли только к двум археологическим культурам: ямной и катакомбной, подчеркивая их различный этнокультурный состав. Непродолжительное сосуществование на одной

территории представителей двух совершенно разных культур предопределило, как считалось, появление памятников смешанного типа, выделенных в отдельную ямно-катакомбную культурную группу. Кроме того, была отмечена несомненная связь катакомбной культуры Калмыкии с Северным Кавказом [Синицын, Эрдниев 1963, 1966, 1987].

Позднее на материале раскопок 1960-х годов В.А. Сафронов построил хронологическую схему памятников эпохи бронзы Калмыкии, состоящую из семи сменявших друг друга погребальных групп: I — ямная; II — северокавказская; III — ямно-катакомбная или поздняя ямная; IV — группа вытянутых костяков в катакомбах или позднесеверокавказская, где представлены смешанные катакомбно-северокавказские черты; V и VI — предкавказская катакомбная, причем VI группа более поздняя, испытывавшая незначительное влияние срубной культуры Нижнего Поволжья; VII — срубная. По тому же принципу были выстроены хронологические группы памятников Северного Кавказа [Сафронов 1974].

Тогда же в соседнем регионе — в Нижнем Подонье — впервые была выделена ранняя группа погребений в катакомбах, предшествовавшая появлению здесь донецкой катакомбной культуры и синхронная ямным комплексам [Кияшко 1974]. Преддонецкие катакомбы были впоследствии объединены в приазовскую раннекатакомбную культуру на обширной территории от Нижнего Поднепровья до Прикубанья [Николаева, Сафронов 1981]. Однако недостаточная доказательная база вызвала закономерные сомнения некоторых исследователей, настаивавших лишь на выделении особого культурного типа ранних катакомб донецко-нижнедонского региона, но не самостоятельной раннекатакомбной культуры [Смирнов 1996].

В конце 1980-х годов на базе новых материалов из раскопок в Краснодарском крае была разработана подробная периодизация древностей бассейна Кубани и прилегающих территорий от энеолита до среднебронзового века. В эпоху ранней бронзы в регионе по-прежнему фиксируются два основных этапа — майкопский и новосвободненский, при этом выделяется периферийная степная группа позднемайкопских памятников (высказывалось предположение о наличии в это время немногочисленных, но постоянно проживавших в степи представителей майкопской или родственной ей культурной группы с Северного Кавказа, на смену которым пришло население ямной культуры). Эпоха средней бронзы пред-

ставлена двумя синхронными и тесно взаимодействующими друг с другом археологическими культурами: северокавказской и катакомбной. Ранние северокавказские погребения распространяются далеко в степь через Ставропольский край до Калмыкии, но на втором этапе происходит сокращение степного ареала северокавказцев из-за давления с севера или с северо-запада представителей предкавказской катакомбной культуры. Переходные III и IV группы памятников, выделенные прежде В.А. Сафроновым, были объединены в общий раннекатакомбный горизонт, представленный синкретичной погребальной традицией на основе катакомбной конструкции могилы при сохранении ориентировки и инвентаря, характерных для предшествующих групп населения ямной культуры [Трифонов 1991].

По результатам раскопок 1980-х годов в урочище Клады в Адыгее было высказано аргументированное мнение о принципиальных различиях между майкопскими и новосвободненскими памятниками Северного Кавказа. Аналогии новосвободненским каменным погребальным конструкциям были найдены в археологических культурах энеолита Центральной и Северной Европы [Резепкин 1991]. Оппонентами такой точки зрения на основе керамического материала поселений новосвободненские памятники трактуются как своеобразный по погребальному обряду, но все же вариант той же майкопской культуры, и в качестве синонима последней используется термин «майкопско-новосвободненская общность» [Кореневский 2004].

Наконец, к концу XX в. была описана не менее сложная карта археологических культур периода ранней и средней бронзы в степях, примыкающих к северо-западному побережью Каспийского моря. Здесь на степных водоразделах были зафиксированы редкие, самые северные майкопские курганы эпохи ранней бронзы, в низовьях Волги уже не встречающиеся. Одновременно с ними, но на более широкой территории формируется новая погребальная традиция, характерная для раннего этапа ямной культуры. Начав с довольно небольшого ареала, носители ямной культуры освоили широкие пространства Северо-Западного Прикаспия, оставив после себя сотни курганов, что говорит о продолжительном и постоянном проживании значительных групп населения. В начале эпохи средней бронзы культурная карта региона становится мозаичной. Южные и центральные районы оказываются в зоне распространения

ранней северокавказской культуры, чересполосно с которой, но на более ограниченной территории располагаются памятники раннекатакомбной культуры. В это же время зафиксировано появление первых погребений восточно-маньчской катакомбной культуры¹. На северных и южных окраинах еще сохраняются позднейшие погребальные традиции. Однако новые группы населения в своем большинстве были, вероятно, немногочисленны, и очередное масштабное и долговременное освоение региона связывается исключительно с восточно-маньчской катакомбной культурой [Шишлина 1992, 2007].

В результате распада катакомбных культур от Днепра до Нижней Волги и Северного Кавказа в конце эпохи средней бронзы сформировался целый блок посткатакомбных культурных образований, одним из вариантов которого в степном Предкавказье стала лолинская культура [Мимоход 2005]. Первоначально дискуссионная проблема культурной атрибуции погребальных комплексов, предшествовавших ранним срубным погребениям эпохи поздней бронзы в Калмыкии [Мимоход 2002], была решена в пользу выделения на их основе особой финально-катакомбной археологической культуры, получившей название лолинской [Мимоход 2004]. В этот период прослеживается изживание погребальных традиций эпохи средней бронзы, открытость для инноваций при сохранении, однако, достаточно очевидных черт предшествовавшей восточно-маньчской катакомбной культуры [Мимоход 2003, 2007].

Археологические памятники срубной культуры интересующего нас региона, представляющего собой ее южную окраину, сравнительно редки. К примеру, на территории Калмыкии среди всех исследованных погребений эпохи бронзы срубные составили лишь 6 % [Очир-Горяева 2008], чем, возможно, и обусловлено отсутствие заметных работ, посвященных этапу поздней бронзы азово-каспийской степи.

Итак, постепенное увеличение источниковой базы привело к тому, что взаимодействие археологических культур эпохи бронзы на территории степного пояса юга Восточной Европы стало представляться гораздо более сложным, чем ранее. Отвергнута идея последовательной смены культур, стало очевидным черес-

---

¹ Восточный вариант предкавказской или волго-маньчской катакомбной культуры.

полосное существование различных погребальных традиций. Границы распространения майкопской и северокавказской археологических культур, прежде локализуемых преимущественно на Северном Кавказе, продвинуты далеко на север в калмыцкие степи. Из синкретичного ямно-катакомбного пласта выделено несколько культурных групп, в том числе новая раннекатакомбная культура. Наконец, среди памятников рубежа средней и поздней бронзы выделена лолинская культура — одна из числа пост-катакомбных.

3. История палеоантропологических исследований населения региона

Первым к изучению палеоантропологии эпохи бронзы Восточной Европы обратился Г.Ф. Дебец [1936]. Все немногочисленные черепа из погребений, расположенных на территории Средней и Нижней Волги, были отнесены им к протоевропеоидному антропологическому типу. Сходство ямных и срубных долихокранных черепов позволило предположить наличие генетической связи между ними (преувеличенное значение черепного указателя было свойственно антропологическим публикациям первой половины XX в.). Аналогии брахикранным черепам катакомбной культуры левого берега Нижней Волги были найдены в краниологической выборке из синхронных погребений Одесского кургана в Северном Причерноморье. Последний факт был использован в качестве аргумента в пользу того, что население катакомбной культуры является пришлым, в отличие от представителей ямной и срубной культур [Дебец 1948].

Изучение столь же малочисленных краниологических материалов Волго-Донской археологической экспедиции позволило Л.Г. Вуич поставить под сомнение выводы Г.Ф. Дебеца, так как брахикранные черепа были обнаружены и в ямных, и в срубных погребениях, а среди черепов катакомбной культуры встречены и долихокранные, один из которых был причислен к средиземноморскому европеоидному типу [Вуич 1958].

Что касается азово-каспийских степей, то долгое время единственной публикацией, посвященной палеоантропологическим материалам эпохи бронзы этого региона, была статья В.В. Гинзбурга [1949], содержащая лишь описание скелетов из раскопок М.И. Ар-

тамонова, проведенных в 30-х годах XX в. на берегах р. Западный Маныч Ростовской области.

Позднее в работах Б.В. Фирштейн [1967, 1974] появились данные об отдельных черепах с территории Калмыкии и прилегающих районов Ростовской области. Мезобрахикранию черепов эпохи ранней бронзы Нижнего Дона автор связала с влиянием ранне-неолитического населения Украины, изученного И.И. Гохманом [1966]. Кроме того, было отмечено сходство мезокранных черепов из катакомбных погребений калмыцких курганов с опубликованными ранее В.В. Гинзбургом [1949] маньчскими черепами того же времени, хотя для первых характерен более узкий лицевой отдел. Особенностью краниологической выборки срубной культуры Нижнего Дона оказалось значительное количество долихокранных форм черепной коробки.

Выводы перечисленных выше публикаций были сделаны на основе единичных краниологических материалов и уже к концу 1970-х годов представляли лишь историографический интерес. Результаты изучения первой репрезентативной серии черепов, полученной в итоге многолетней работы экспедиции под руководством И.В. Сеницына и У.Э. Эрдниева в Калмыкии в 1960-х годах, были опубликованы А.В. Шевченко [1974а].

Антропологический материал А.В. Шевченко разделил первоначально на три группы: ямную, катакомбную и ямно-катакомбную, согласно определениям культурной принадлежности, сделанным авторами раскопок [Сеницын, Эрдниев 1966]. В результате все серии получились очень неоднородными. Тем не менее были выявлены отчетливые различия между ямным и катакомбным краниологическими типами, а также отмечена яркая особенность катакомбной выборки — высокая частота искусственной кольцевой или лобно-затылочной деформации черепной коробки. На основе промежуточного положения ямно-катакомбной серии был сделан вывод о ее метисном происхождении. Специфичность морфологии катакомбной группы черепов подтверждала мнение авторов раскопок об отсутствии генетической преемственности между ямной и катакомбной археологическими культурами [Шевченко 1974а].

Затем краниологический материал был разделен А.В. Шевченко на шесть групп в соответствии с периодизацией В.А. Сафронова [Сафронов, 1974], кроме VII группы срубных погребений, черепов из которой в Калмыкии найдено не было. Был отмечен уникальный

набор признаков в I ямной группе, которая отличалась от всех известных на тот момент ямных краниологических серий Северного Причерноморья [Зиневи́ч 1967; Зиневи́ч, Круц 1968; Круц 1972; Кондукторова 1973] значительными широтными размерами и, как следствие, выраженной брахикранией.

Черепной указатель еще более увеличивался в III ямно-катакомбной или позднеямной группе, что объяснялось влиянием представителей катакомбной культуры. В целом III группа заняла промежуточное положение между I ямной и V катакомбной, что снова было истолковано как показатель метисного происхождения. Особенности северокавказских групп (II и IV) стали также значительными широтными размерами и сильное выступание носа. В связи с этим особенности представителей ямной культуры Калмыкии А.В. Шевченко объяснил их возможным смешением с северокавказским населением. Катакомбные группы (V и VI), будучи наиболее однородными, радикально отличались от более ранних групп узкой, длинной и высокой черепной коробкой, среднешироким, средневысоким и мезогнатным лицом при сильно выступающем носе и очень низких орбитах [Шевченко 1974а].

В том же году А.В. Шевченко [1974б] опубликовал новые, но малочисленные материалы ямной, катакомбной и срубной культур из южных районов Волгоградской области и северной части Астраханской области. Ямная группа черепов в этой работе характеризуется очень длинной, широкой, умеренно высокой мезокранной мозговой коробкой и очень широким, средневысоким лицевым отделом, резко профилированным в горизонтальной плоскости, с низкими орбитами и среднешироким, сильно выступающим носом.

В катакомбной группе выделено два краниологических типа: первый — брахикранный, с очень широким покатым лбом и средней горизонтальной профилированностью лица на верхнем уровне; второй — долихокранный, с менее широким лбом и меньшим назомалярным углом.

Срубная группа — исключительно долихокранная и высокосводчатая с широким и высоким резко профилированным горизонтально лицом — признана отличающейся как от хронологически предшествующих серий, так и от синхронных краниологических материалов срубной культуры других областей.

От попыток оценить степень сходства публикуемых выборок между собой или сериями черепов с иных территорий А.В. Шевчен-

ко отказался по причине недостаточной репрезентативности материала [Шевченко 1974б].

В дальнейшем тот же автор более подробно проанализировал краниологические серии Калмыкии, дополнив их материалами междуречья Волги и Дона [Шевченко 1980, 1986]. С сожалением отметим, что им были опубликованы только средние измерительные данные, характерные для каждой краниологической группы, выделенной согласно схеме В.А. Сафронова, в то время как индивидуальные краниометрические характеристики черепов остались недоступными широкому кругу антропологов.

По мнению А.В. Шевченко, I ямная группа Калмыкии из 30 мужских и 4 женских черепов проявила значительную изменчивость по ряду метрических признаков. Это послужило основанием для выделения внутри нее двух краниологических типов — А и В, различия между которыми были названы существенными не только по древнеямному, но и по общемировому масштабу. Черепа с мозаичным набором признаков, близкие по размерам черепной коробки к типу А, а по лицевым — к типу В, были объединены в самостоятельный тип С.

Причину подобной антропологической неоднородности автор видел в том, что население бассейна Восточного Маныча в эпоху ранней бронзы не являлось генетически замкнутой популяцией. В результате сравнительного анализа было выявлено сходство краниологического типа А с автохтонным неолитическим населением Приазовья, Надпорожья и Подонья. Происхождение типа В было связано с восточными ареалами ямной культуры. Относительно происхождения типа С в качестве равноправных версий были предложены два варианта: либо метисация типов А и В, либо участие в формировании антропологического состава ямной культуры Калмыкии населения, представленного могильником Средний Стог-II [Шевченко 1986].

Серия черепов ямной культуры из соседнего района — астраханского правобережья Волги (могильники Кривой Луки) — охарактеризована А.В. Шевченко как сходная с краниологической выборкой из ямных курганов Калмыкии, но несколько более массивная [Там же]. Северокавказская группа II, составленная из шести черепов, оказалась не сильно отличающейся от древнеямной, однако необходимо отметить, что в эту и без того небольшую выборку попали ямный и раннекатакомбный черепа, культурная принадлеж-

ность которых была более точно установлена в последние годы [Н.И. Шишлина, устн. сообщ.].

Синкретичные по В.А. Сафронову группы III и IV — позднемного или ямно-катакомбного и позднесеверокавказского или северокавказско-катакомбного облика — имели столь же синкретичный набор краниометрических признаков, что позволило А.В. Шевченко отвергнуть идею их генетической преемственности с хронологически более ранними группами. В катакомбной группе V среди недеформированных черепов (18 мужских и 4 женских) им было выделено два локальных варианта единого резко долихокранного типа, совершенно нового в этом регионе, а также представленные несколькими черепами мезо- и брахикранные типы.

Происхождение долихокранных узколиких черепов из катакомбных погребений А.В. Шевченко связал с краниологическими сериями культуры шнуровой керамики с территории Польши. Среди деформированных черепов катакомбной культуры (11 мужских и 15 женских) была выделена группа, соответствующая ямному краниологическому типу А, представители которой, по мнению автора, были потомками древнемного населения. В целом же серия характеризовалась как антропологически крайне пестрая вследствие сложного и длительного процесса формирования населения катакомбной культуры.

Наконец, в VI группу А.В. Шевченко объединил три мужских черепа, один из которых отнесен им к древнему грацильному варианту уральской расы, не встречавшемуся ранее в степи, но распространенному в лесной и лесостепной полосе. Последнее утверждение использовано как косвенный аргумент в пользу версии В.А. Сафронова о влиянии срубной культуры на катакомбную [Шевченко 1986].

Кроме того, А.В. Шевченко были опубликованы индивидуальные измерения двух черепов представителей майкопской и новосвободненской культур из могильников Калмыкии [Там же], а также еще одного новосвободненского черепа из могильника Клады в Адыгее [Шевченко 1983].

Краниологические материалы эпохи ранней и средней бронзы Чограйских могильников Ставропольского края (южный берег Чограйского водохранилища), собранные экспедицией Института археологии АН в 1977–1979 гг., были исследованы Г.П. Романовой [1991]. Ею отмечено очевидное морфологическое сходство ставро-

польской выборки ямной культуры с синхронными сериями Калмыкии, основанное на значительных широтных размерах мозгового и лицевого отделов черепа; подвергнуто аргументированной критике метод выделения нескольких краниологических типов, использованный А.В. Шевченко при изучении черепов эпохи ранней и средней бронзы Калмыкии. Серия катакомбной культуры охарактеризована как морфологически близкая ямной, однако обладающая меньшими широтными размерами черепа, что расценено как результат метисации с более южным населением Северного Кавказа.

В последние годы вышли в свет работы А.А. Хохлова с предварительными результатами изучения черепов эпох ранней и средней бронзы из могильников Калмыкии [Хохлов 1999б; 2001]; статья, посвященная черепу майкопской культуры из могильника Манджикины-I [Хохлов 2002]; а также специальное исследование краниологических особенностей носителей ямной культуры Калмыкии [Хохлов 2006].

По мнению А.А. Хохлова [2006], новые ямные черепа из могильников Прикаспийской низменности и Южных Ергеней морфологически сходны между собой: суб- и гипербрахикранные гиперморфные, относительно низколицые, как и в серии ямных черепов Восточного Маньчжа, опубликованной А.В. Шевченко [1986]. По результатам канонического анализа этот специфический набор признаков ярко отличает ямную серию Калмыкии от других известных краниологических групп ямной культуры Восточной Европы.

А.А. Хохлов пришел к выводу, что в эпоху ранней бронзы в Северо-Западном Прикаспии и Нижнем Поволжье существовал особый очаг расогенеза, что привело к формированию здесь брахикранный, широколицего и относительно низколицего краниологического комплекса, отличающего представителей ямной культуры Калмыкии. Возможную причину такого своеобразия автор видит в генетической преемственности ямников Калмыкии и носителей хвалынской культуры из энеолитического могильника Хлопков Бугор в Нижнем Поволжье, а также в вероятном влиянии какого-то особого антропологического компонента, еще не обнаруженного среди древнего населения юга Восточной Европы [Хохлов 2006].

Предварительный характер носило сообщение о палеоантропологических материалах майкопского времени из Центрального Предкавказья [Герасимова, Пежемский, Яблонский 2002], нашедшее продолжение в специальной статье [Герасимова, Пежемский,

Яблонский, 2007], где были опубликованы подробные описания и измерения новых черепов майкопской культуры, найденных во время раскопок последних лет. Авторы отмечают неоднородный состав майкопской серии, отражающей в целом восточно-средиземноморский краниологический комплекс. Последний резко контрастирует с распространенным в Восточной Европе протоевропеоидным набором признаков, характерным для носителей ямной культуры. Авторы не исключают возможность участия переднеазиатских элементов в формировании населения майкопской культуры, при этом тенденция последних к гиперморфии объясняется влиянием древнего населения степной полосы.

Т.И. Алексеева исследовала коллекцию из четырех черепов представителей майкопско-новосвободненской общности, обнаруженных при раскопках курганов в Северной Осетии и близ г. Кисловодска. Черепа были отнесены к средиземноморской ветви южно-европеоидной расы, ближайшие аналогии этому физическому типу выявлены среди населения энеолита-бронзы Закавказья, Ирана и Месопотамии [Алексеева 2004].

В последнее время появились работы, посвященные антропологическим особенностям представителей лолинской культуры Ставрополя и Калмыкии, обоснование выделения которой было сформулировано сравнительно недавно [Мимоход 2005]. М.М. Герасимова и А.А. Калмыков [2007] впервые опубликовали индивидуальные измерения семи мужских черепов из лолинских погребений Ставропольского края со следующей суммарной краниологической характеристикой: очень длинная и узкая, резко долихокранная черепная коробка, широкий лоб, средневысокое и широкое лицо, резко профилированное в горизонтальной плоскости, сильно выступающий нос, низкие и широкие орбиты.

Признавая морфологическое сходство черепов лолинской и предшествующей восточно-манычской катакомбной культур, авторы отмечают наличие данного краниологического комплекса в высокостатусных погребениях финала средней и начала поздней бронзы на очень обширной территории от степей Нижнего Дона до лесостепи Средней Волги.

Недавняя работа А.А. Хохлова и Р.А. Мимохода [2009] посвящена анализу антропологических особенностей представителей двух посткатакомбных археологических культур — бабинской и лолинской, а также криволукской культурной группы, сформировав-

шихся в ареале распавшейся катакомбной культурно-исторической общности. Опубликованы краниометрические данные шести мужских и четырех женских черепов из лолинских погребений. Используя методы многомерной статистики и индивидуально-типологической диагностики при сравнении лолинской мужской серии с краниологическими выборками эпохи бронзы Северного Причерноморья, Подонья, Поволжья, Предкавказья и Закавказья, авторы приходят к мнению об антропологической преемственности между носителями восточно-маньчской катакомбной и лолинской культур при наличии генетической связи последних с населением эпохи бронзы восточного Кавказа. Кроме того, в работе впервые опубликованы индивидуальные данные нескольких черепов срубной культуры Калмыкии.

Отдельные аспекты палеоэкологии населения эпохи бронзы Прикубанья, Ингушетии и Восточного Маньча были отражены в статьях А.П. Бужиловой [2005], М.В. Добровольской [2005] и М.Б. Медниковой [2006].

Итак, со времени выхода в свет последних работ А.В. Шевченко по палеоантропологии эпохи бронзы юга Восточной Европы прошло уже более двадцати лет. В свете новых археологических открытий периодизация памятников эпохи бронзы этого региона претерпела ряд изменений. На стыке эпох ранней и средней, средней и поздней бронзы выделены новые археологические культуры, а ряд недавних работ, посвященных антропологической характеристике их носителей, обозначил значительный интерес к этой теме. В антропологических исследованиях в последние два десятилетия получили широкое распространение новые методики, широко используются методы многомерной статистики для обработки массового материала.

Назрела необходимость пересмотреть некоторые аспекты палеоантропологии древнего населения юга Восточной Европы с учетом новых методов, новой периодизации, новых и неопубликованных старых материалов, что и стало целью настоящей работы.